

Северное Причерноморье

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 166–185
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 166–185
© Автор(ы) 2016

РИМСКАЯ СТРАТЕГИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА*

С.В. Ярцев

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого, Тула,
s-yartsev@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется стратегия императора Юлиана в Северном Причерноморье. По мнению автора, улучшение гото-римских отношений в это время необходимо рассматривать в контексте изменений отношений императора к Боспорскому царству. Восстановление самостоятельности Боспора неизбежно вело к попытке воссоздания восточного участка буферной зоны в Северном Причерноморье, где ключевым городом вновь должен был стать Танаис. Это, в свою очередь, подразумевало укрепление и западного участка буферной зоны (археологическим отражением которого стало возведение крепостей по Днепровской пограничной линии готской территории). Таким образом, именно данная стратегия явилась главной причиной одновременной нормализации отношений, как с готами, так и с Боспором. Более того, с данным периодом необходимо связывать и появление гуннов в Северном Причерноморье. Именно появившиеся здесь новые кочевники с востока, стали ключевым звеном восстановленного императором первого пояса обороны буферной зоны в регионе. При этом по приказу римского командования, освобождая от аланского влияния территорию Нижнего Дона, гунны опирались на союз с сарматами (ставшие с недавних пор аланами-танаитами), представители которых не один раз уже занимали боспорский трон. Во многом он стал возможен, благодаря тому, что данный сармато-иранский клан выводил свою родословную к сарматским царям I в. н.э. Фарзою и Инисмею, в окружении которых возможно уже тогда находилось, какое-то количество азиатских хуннов или их потомков. Таким образом, за короткое время правления императора Юлиана, в Северном Причерноморье была восстановлена эшелонированная буферная зона, перекрывшая варварам аланского племенного союза все возможные пути в сторону римских границ.

Ярцев Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого. E-mail: s-yartsev@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

Восстановленная Константином Великим буферная зона в Северном Причерноморье, безусловно, являлась отражением процесса возвращения римского государства на свой традиционный путь развития в направлении экспансии и дальнейшего расширения своих границ. При этом в своей стратегии император ориентировался на самый жесткий вариант данной системы, функционировавший еще в эпоху Адриана. Однако буферная зона эпохи Константина лишь отдаленно напоминала указанную систему, состоявшую в то время из сильных античных центров и зависимых варваров. Главной ее особенностью стала максимальная ослабленность Боспорского царства, вскоре совсем потерявшего свою самостоятельность. С одной стороны, действительно экономически слабое Боспорское государство, лишенное мощного флота, не представляло теперь никакой серьезной опасности для империи и ее новой столицы. С другой стороны, именно по этим же причинам в Северо-Восточном Причерноморье невозможно было восстановить первую линию буферной зоны, которая в период позднего принципата состояла из союзных орд, не пропускающих враждебных варваров к античным центрам Северного Причерноморья и далее – к дунайским границам империи. Координация действий с такими союзниками осуществлялась именно через боспорские города, и в первую очередь через Танаис¹.

Напряженная ситуация в Северном Причерноморье, судя по всему, стала меняться к лучшему только в годы правления Юлиана, получившего, как известно, имя Юлиана Отступника (361–363 гг.). Не исключено, что именно поворот нового императора к язычеству, стал необходимым условием в нормализации отношений с готами. Если вначале его правления «близкие к нему люди советовали напасть на соседних готов, часто проявлявших коварство и вероломство» (Amm. Marc. XXII. 7, 8), то уже вскоре мы видим вспомогательные отряды последних в армии Юлиана (Amm. Marc. XXIII. 2, 7). Юлиан, как известно, отказал сторонникам войны с готами, мотивируя свой отказ тем, «что ищет лучшего врага» (Amm. Marc. XXII. 7, 8). По нашему мнению, данное свидетельство о сдвиге в гото-римских отношениях при Юлиане необходимо рассматривать в контексте изменений отношений императора к Боспорскому царству, которое до этого в течение 20 лет, скорее всего, находилось в автономном управлении Херсонеса². Дело в том, что восстановление самостоятельности Боспора неизбежно вело к попытке воссоздания восточного участка буферной зоны в Северном Причерноморье. Это, в свою очередь, подразумевало и укрепление ее западного участка в Северо-Западном Причерноморье. Таким образом, именно данная стратегия и явилась главной причиной одновременной нормализации отношений как с готами, так и с Боспором.

Археологическим отражением сложившейся в Северном Причерноморье новой ситуации, безусловно, являются выявленные остатки укрепленных крепостей по Днепровской пограничной линии готской территории³. Речь идет о хорошо

¹ Подробнее см.: Ярцев 2015, 148–155.

² Ярцев 2014, 109–110.

³ Принадлежность к черняховской культуре городища Городок, расположенного вне этой линии, в глубоком тылу грейтунгов, не подтвердилось раскопками (Левада 2006, 63).

известных городищах Александровка⁴ и Башмачка⁵. Здесь в первую очередь необходимо обратить внимание на то, что городище Башмачка, несмотря на всю сложность интерпретации этого многослойного памятника, прикрывало переправу в районе Днепровских порогов⁶, а Александровка, возможно, торговый путь из Крыма⁷, то есть данные укрепления однозначно были рассчитаны на угрозу с востока.

Далее отметим, что планировка крепости у с. Александровка в традиции римских военных лагерей линейно-казарменного типа явно свидетельствует о том, что человек, руководивший ее возведением, имел прямое отношение к римскому военному делу и службе в войсках империи⁸. Такой вывод подтверждается и значительным доминированием здесь античного материала над черняховским. Особенно выделяются фрагменты амфор типа «100» (Делакеу) по И.Б. Зеест и, в гораздо меньшем количестве, типа «F» и «E» по Д.Б. Шелову⁹, а также фрагменты лепной позднескифской керамики, имеющие аналоги только в Крыму¹⁰. Однако самой удивительной находкой является каменный жертвенный алтарь, аналогичный боспорским «эсхарам»¹¹. Все это свидетельствует о том, что службу здесь, за счет римских субсидий, во второй половине IV в. н.э. проходил смешанный гарнизон, в составе которого находились выходцы с территории Боспора. Другими словами, совместная организация обороны дальних подступов империи была организована с опорой как на готов, так и на восстановившее свою самостоятельность Боспорское царство. При этом главным источником опасности могли выступать, судя по направлению, аланы или же появившиеся с востока гунны, возможно, напавшие в это время на Фанагорию¹².

Тем не менее, комплексный анализ источников показывает, что наиболее опасная угроза для римского мира в тот момент исходила именно от алан. Напомним, что археологическим отражением существования этого народа являлась довольно яркая культура, ядро которой располагалось в предгорных районах Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Сеть городищ, чрезвычайно высокая концентрация населения, громадные фортификационные сооружения и трудоемкие погребальные конструкции, требующие высокой организации общества, однозначно свидетельствуют о происходивших здесь глубоких процессах урбанизации¹³. При этом отметим, что военная активность алан неуклонно возрастала, что следует из сообщений известного средневекового грузинского историка Леонтии Мровели¹⁴.

Однако, осознавая аланскую угрозу, Юлиан вряд ли мог предложить что-то эффективней, чем систему буферной зоны периода позднего принципата. В то время это была наиболее действенная, тщательно продуманная и глубоко эшелон-

⁴ Магомедов 1987, 26–41.

⁵ Смиленко 1992.

⁶ Левада 2006, 62, 65–66.

⁷ Магомедов 1987, 40.

⁸ Магомедов 1987, 33; Левада 2006, 61.

⁹ Магомедов 1987, 35–37.

¹⁰ Левада 2006, 63–64.

¹¹ Магомедов 1987, 30; Левада 2006, 63–64.

¹² Кобылина 1978, 30–35; Šćukin, Kazanski, Sharov 2006, 176.

¹³ Малашев 2014, 72–83.

¹⁴ Габуев 2014, 85.

нированная оборона дальних подступов к империи, несомненно, представляющая собой эффективный заслон от проникновения кочевников с востока. Если у Юлиана и существовали какие-то планы по отношению к Северному Причерноморью, а они, судя по всему, действительно имелись, то он должен был ориентироваться именно на этот вариант организованной обороны. Основное ядро буферной зоны, состоящее из античных центров и окружающее варварское население, восстановил еще Константин. Задача Юлиана заключалась в воссоздании первого пояса указанной системы. Помимо возрождения Боспора здесь требовалось восстановить Танаис, а также заключить союзный договор с могущественными номадами, которые, как и раньше, смогли бы контролировать степи Северо-Восточного Причерноморья и успешно противостоять аланам.

В этой связи огромный интерес вызывают сообщения античных авторов о загадочных войнах на Нижнем Дону, причем все они странным образом велись приблизительно в одно время, незадолго до нашествия гуннов на готы в 376 году. Так, рассказ Иордана в деталях рисует нам войну Эрманариха с элурами за устье Дона (Iord. Get. 117), однако почему-то совсем ничего не сообщает о неизбежных в данной ситуации столкновениях с соседними аланами-танаитами или гуннами, действительными хозяевами этих мест. Этот пробел вроде бы восполняется Аммианом Марцеллином, сообщаям, что «гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» (Amm. Marc. XXXI. 3, 1). Однако в данном случае уже ничего не говорится о живущих в болотистой дельте меотийцах¹⁵, которых просто не могли не затронуть указанные военные действия. Допустить же завоевание территории Нижнего Дона только какой-то одной заинтересованной стороной (Боспором, готами или гуннами) вряд ли будет считаться возможным, так как это противоречит всем остальным имеющимся сведениям. Мирные отношения между гуннами и Боспором, в результате которых был даже восстановлен Танаис¹⁶, и «внезапность» начавшейся позднее войны между гуннами и готами (Amm. Marc. XXXI. 3, 1) более свидетельствуют не о конфронтации, а об интеграционных процессах между всеми указанными силами. Во всяком случае, вполне можно говорить о скоординированности действий Боспора и его варваров с отрядами готы и гуннов, направленных, скорее всего, против аланов, этих старых врагов римского мира. Напомним, что еще с середины III в. н.э. на Нижнем Дону среди сарматских погребальных сооружений традиционного типа получили распространение и Т-образные склепы, нередко с коротким дромосом, как и в аланских районах Центрального Предкавказья. Вероятно, указанные военные действия были направлены на устранение господства этой аланской верхушки или же на полную ликвидацию власти кавказских алан на Нижнем Дону. Союзниками гуннов в этом случае могли быть представители известного нам уже сармато-иранского клана, возводившие свой род к знаменитым царям I в. н.э. Фарзою и Инисмею. Конница гуннов никогда бы не смогла освободить болотистую дельту Дона от варваров,

¹⁵ Те из элуры, кто отказался в свое время переселиться на территорию Боспора, оставшись на враждебных к римскому миру позициях, судя по археологическим данным, проживали в дельте Дона вплоть до восстановления Танаиса (Гудименко, Толочко 2012, 180–217).

¹⁶ Обломский 2010, 174–202.

не приди ей на помощь сухопутные отряды готов Эрманариха. Все это позволяет считать, что приведенные выше сообщения являются отголосками хорошо спланированной римским командованием военной операции, предваряющей работы по восстановлению Танаиса и имеющей главной целью воссоздание восточного участка буферной зоны в Северном Причерноморье.

К сожалению, определить точную хронологию указанных событий, так или иначе связанных с появлением гуннов в Северном Причерноморье, очень трудно. Это связано в первую очередь с недостаточностью данных как письменных, так и археологических источников. Несмотря на то что рассказ о гуннах у Аммиана Марцеллина размещен в книге, посвященной событиям правления Валента, это вовсе не означает, что именно к данному времени и необходимо отнести появление указанных кочевников в Северном Причерноморье. По нашему мнению, наиболее вероятно датировать это событие годами правления Юлиана, когда императором активно восстанавливался первый пояс буферной зоны в Северо-Восточном Причерноморье. Дело в том, что появление новых кочевников хорошо согласуется со всеми остальными мероприятиями Юлиана в Северном Причерноморье в рамках развития римской стратегии: восстановлением самостоятельности Боспора, возведением крепостей по Днепру за римские субсидии и с опорой на боспорские ресурсы и захватом Северного Приазовья, где в скором времени должен был возродиться Танаис – главный центр по координации действий с новыми союзниками. Все эти действия по восстановлению восточного участка буферной зоны однозначно были направлены против алан, поэтому и появление гуннов более соответствует ситуации, сложившейся именно в данное время.

Что же касается мнения о более позднем появлении данных кочевников, то здесь необходимо, в первую очередь, обратить внимание на полное отсутствие каких-либо письменных или археологических источников, однозначно свидетельствующих о приходе последних на Боспор или непосредственно на римскую территорию в указанный период. На фоне резкого обострения римско-готских отношений при Валенте, не особо сильно изменившихся в лучшую сторону и после договора 369 года, появление новых римских «друзей» с востока явно противоречит серьезному притуплению бдительности грейтунгов в данное время, что во многом и позволило внезапным ударом прорвать оборону варваров. Если бы гунны появились в Северном Причерноморье при этом императоре, отношения с которым у готов не сложились с самого начала, вряд ли грейтунги, даже с учетом договора с пришельцами, посчитали достаточным наличие только двух небольших крепостей на своих восточных рубежах. Крепости безусловно очень важные, они прикрывали переправы через Днепр в местах пересечения сухопутных дорог по направлению к дунайскому лимесу и имели непосредственное отношение к укреплениям основного пояса буферной зоны Римской империи. Однако, учитывая протяженность своих восточных границ, этого явно было недостаточно. Грейтунги обязаны были провести еще ряд дополнительных мероприятий по защите своей территории, чего на самом деле не произошло.

Казалось бы, спорный момент появления гуннов в Северном Причерноморье вполне могли уточнить археологические данные. Однако даже опираясь на них, определить точную дату появления этого воинства в Северном Причерноморье чрезвычайно трудно. Основными предметами, по которым обычно определяют

хронологию гуннских древностей, являются украшения, выполненные в стиле перегородчатой и полихромной инкрустации¹⁷, которые несколько отличаются от прошлых изделий стиля догуннских перегородчатых инкрустаций¹⁸. Считается, что новые украшения распространились в Северном Причерноморье именно под влиянием гуннов¹⁹. Поэтому первый гуннский период обычно определяют по находкам в инвентаре престижных погребений полихромных изделий, датируя его концом IV – первой половиной V вв. н.э.²⁰ Однако очевидно, что для процесса, который привел к изготовлению и распространению подобных предметов на широком пространстве от Северного Причерноморья до Алтая, необходимо было время. Трудно в этой связи не согласиться с И. Вернером, который предполагал, что данный стиль возник в Северном Причерноморье и на Дунае на основе боспорских, сармато-аланских, провинциально-римских и древнегерманских ювелирных традиций только благодаря росту богатства гуннской знати в начале V в. н.э.²¹ Тем не менее определить точное время, когда такие вещи впервые появились в Северном Причерноморье, практически невозможно²². Мы можем лишь констатировать, что некоторые из гуннских погребений, широко разбросанные по степным пространствам Северного Причерноморья, видимо из-за отсутствия долговременных становищ и родовых кладбищ²³, явно датируются более ранним временем, чем остальные.

Так, в погребении в урочище Каменная могила в Приазовье гуннское захоронение было совершено в естественном гроте (в пещере «колдуна»), по ингумационному обряду в деревянном гробу, более известному на востоке, в частности на Урале (Кызыл-Адыр). Здесь же были выявлены две архаические пряжки, относящиеся к фазе СЗ (300/320 – 350/370 гг.) или D1 (360/370 – 400/410 гг.) и указывающие на совершение погребения, по мнению М.М. Казанского, в период D1. Кувшин и кубок из захоронения не противоречат датировке указанных пряжек. Аналоги им относятся ко второй половине IV – первой половине V вв.²⁴

На могильнике Новофилипповка, также расположенном в Приазовье на реке Молочной, гуннская кремация, от которой остались лишь обожженная фаланга пальца ноги и металлические предметы, была совершена непосредственно у подножия нераскопанного кургана²⁵. Также захоронение содержало сарматское зеркало-подвеску с боковым ушком II–III вв. н.э. Известно, что подобные предме-

¹⁷ Засецкая 1982, 18–20.

¹⁸ Подобные украшения догуннского периода характеризуются сложным декором, перегородчатой инкрустацией со вставками из мелких, симметрично расположенных камней, а также не столь унифицированной, как в изделиях гуннского периода, цветовой гаммой (Безуглов, Захаров 1989, 42–66; Бажан, Щукин 1990, 83–96; Яблонский, Малашев 2008, 69–70; Красноперов 2012, 218–254).

¹⁹ Амброз 1992, 72.

²⁰ Засецкая 1986, 86; Плетнева 2003, 25–26.

²¹ Werner 1956, 86, 90–91.

²² Казанский 2010, 119.

²³ Плетнева 1982, 14–17, 20–23.

²⁴ Михайлов 1993, 109–111; Казанский 2010, 120. А.В. Комар, которого не убедили приведенные Б.Д. Михайловым аналогии, все же был вынужден отметить, что на кубке-стакане из зеленого стекла (форма бытовала с конца IV по VI вв. н.э.) отсутствуют синие капли, что свидетельствует о его ранней или поздней датировке. В сочетании с пряжками это указывает на раннюю дату погребения (Комар 2000, 20–21).

²⁵ Михайлов 1977, 74–82.

ты встречаются и во второй половине IV вв. н.э. М.М. Казанский датирует данное погребение или жертвоприношение также началом гуннской эпохи²⁶.

Тот же тип зеркала находился в женском ингумационном погребении, совершенном в Кизиярской Балке (Мелитополь), фактически в том же регионе. При этом череп погребенной носил следы искусственной деформации, а в одной из костей застрял трехлопастной наконечник стрелы. Помимо удила и металлических обкладок седла, здесь были найдены бляшки полихромного стиля, куски золотой фольги, сбруйные прямоугольные накладки и довольно редкая диадема, украшенная зернью²⁷. Прототипы подобных украшений имеются в уборе кочевников Средней Азии²⁸. М.М. Казанский также справедливо относит данное погребение к ранней группе гуннских захоронений²⁹.

В целом же указанные погребения относятся учеными к периоду D₁ центральноевропейской хронологии (360/370 – 400/410 гг.)³⁰ и теоретически могут принадлежать кочевникам, появившимся в Северном Причерноморье в начале 60-х гг. IV в. н.э.

Возможно, завесу над точным временем и другими обстоятельствами появления гуннов в Северном Причерноморье поможет приоткрыть идентификация этого загадочного племени, воинская мощь которого, по-видимому, во многом и предопределила его особую роль в римских планах. Однако до сих пор неизвестно, какой же конкретно народ скрывался под этим именем. Особенно трудно ответить на вопрос, были ли появившиеся в Северном Причерноморье гунны этнически однородны или уже изначально состояли из представителей разных этносов, как, например, в свое время воинство царя Фарзоя. Если исходить из характеристики, которую дали гуннам Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXXI, 2) и Иордан (Iord. Get. 127–128), то выходит, что данные варвары были ближе к монголоидам или, по крайней мере, как считал Л.Н. Гумилев, к хунно-угорским метисам³¹. Это вроде как подтверждается значительным присутствием в гуннских погребениях индивидуумов с монголоидными чертами³². Следовательно, в составе появившейся в Северном Причерноморье гуннской орды могли действительно находиться реальные потомки прототюркских хуннов, которые мигрировали от границ Китая в западном направлении. Пути продвижения этих кочевников могли проходить как через степи Северного Казахстана и Южного Урала, так и через более южные районы Приаралья³³. Однако резкие отличия в культурных и бытовых стереотипах поведения европейских гуннов от азиатских хуннов не позволяют без существенных натяжек отождествить эти народы³⁴. Особенно разнятся их погребальные обряды, между которыми, по сути, нет ничего общего³⁵. Если к этому еще добавить оспаривание

²⁶ Казанский 2010, 120.

²⁷ Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 118.

²⁸ Казанский, Мастыкова 2009, 120.

²⁹ Казанский 2010, 120.

³⁰ Казанский, Мастыкова 2009, 123.

³¹ Гумилев 1993, 202.

³² Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 122–123.

³³ Гумилев 1993, 201–206; Артамонов 1962, 41–44; Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 105–106.

³⁴ Thompson 1948, 46, 198; Maenchen-Helfen 1973, 358–375.

³⁵ Для погребения рядовых хунну обычно использовались крепко сбитые деревянные гробы с массивным дном и крышкой, с жертвенными ямами в головах гробовища, чего мы не наблюдаем в Северном Причерноморье (Плетнева 2003, 23). Здесь можно лишь отметить единичные погребения

принадлежности языка гуннов к тюрской группе³⁶, то становится очевидным, что простым отождествлением гуннов с хуннами эту проблему не решить.

Идентификацию гуннов осложняет и то обстоятельство, что уже на самом раннем этапе своего появления в Северном Причерноморье они объединились с аланами-танаитами. Полиэтничность гуннского союза подтверждается и чрезвычайным многообразием погребального обряда входящих в него варваров. Он представлен как кремацией, нередко вместе с конем, так и ингумацией³⁷. Обряд трупоположения довольно разнообразен³⁸, есть даже ямы с подбоями, что объясняется влиянием позднесарматской культуры³⁹. Обряд же трупосожжения кочевников, однозначно появившийся в Северном Причерноморье с приходом гуннов⁴⁰, почему-то фиксируется исключительно в восточной группе гуннских памятников, от Приазовья до Приуралья⁴¹, то есть источник проникновения сюда указанного погребального обряда явно имеет восточное происхождение. Все это заставляет нас вновь обратиться к идее японского ученого К. Еноки, предположившего, что гуннами, которые во второй половине IV в. н.э., исходя из данных китайских источников, захватили страну Судэ (Согд), возможно, являлись так называемые хиониты⁴². Л.Н. Гумилев считал их осколком древнего европеоидного слоя⁴³. Однако другие ученые именно с этим народом связывают сопоставимые с гуннскими и совершенные по обряду кремации погребения, появившиеся в регионе в данное время⁴⁴.

Известно, что вначале хиониты выступали вместе с кушанами против царя Сапора II⁴⁵, при этом не исключено, что уже тогда эти противники Сасанидского Ирана действовали по соглашению с римлянами⁴⁶. В дальнейшем царь Сапор II привлек царя хионитов Грумбата в качестве союзника против римлян. В 359 году сын царя хионитов был убит под стенами сирийского города Амиды, и тело его, в соответствии с обрядом этого народа, было кремировано (Amm. Marc. XIX. 2, 1). Однако Аммиан Марцеллин, описывая юного сына Грумбата, назвал его юношей, выделяющимся «высоким ростом и красотой» (Amm. Marc. XIX. 1, 7), что явно не соответствует характеристике европейских гуннов из книги того же автора. Похоже, что мнение об изначальной полиэтничности гуннского войска, которое состояло, судя по всему, из разноязыких и разноэтнических воинов⁴⁷, находится ближе всего к истине.

в деревянных гробах в Ленинске, Покровске, Усть-Альме, которые, похоже, действительно имеют параллели в среднеазиатских древностях (Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 122; Казанский, Мастыкова 2009, 119).

³⁶ Дёрфер 1986, 72–116.

³⁷ Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 122.

³⁸ Айбабин 1999, 56.

³⁹ Казанский, Мастыкова 2009, 116.

⁴⁰ Засецкая 1994, 19–20.

⁴¹ Казанский, Мастыкова 2009, 118.

⁴² Еноки 1955, 43–62.

⁴³ Гумилев 1959, 134–135.

⁴⁴ Неразик 1966, 124–125; Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 107.

⁴⁵ Гафуров 1989, 246.

⁴⁶ Казанский 1994, 244.

⁴⁷ Плетнева 2003, 20.

Отметим и то обстоятельство, что гунны не согнали со своих земель алан-танаитов и тем более не уничтожили их полностью. Иордан говорит, что они смогли заключить с ними союз, «обессилив частыми стычками» (Iord. Get. 127). Не исключено, что этому способствовал переход на сторону гуннов сармато-иранского клана (танаитов), в среде которого могли сохраниться потомки хунов Птолемея (Ptolem. III. 10), проникшие в Северное Причерноморье еще с сарматскими царями Фарзоем и Инисмеем. На такую возможность указывают странные имена боспорских правителей III в. н.э. Фарсанза и Ининфимея, напоминающие указанные имена, и особенно необычная тамга последнего царя. Этот царь, несомненно связанный с сарматами нижнедонской группы, почему-то имел еще тамгу, схожую со знаками варварских царей I в. н.э.⁴⁸ Тамга другого представителя указанного клана – Рескупорида VI, – по-видимому, также напоминает знаки этих сарматских царей⁴⁹. Вряд ли такие совпадения могут быть простой случайностью. Комплексное исследование боспорской эпиграфики и антропоники, проведенное В.П. Яйленко, показывает, что органичное вращение гуннов в политическую систему и культуру Боспора явно было подготовлено пребыванием здесь еще с середины II в. н.э. их сродственников-булгар⁵⁰. Вероятнее всего, именно с ними были связаны представители указанного сармато-иранского клана, из которого и происходили главные претенденты на верховную власть в Боспорском государстве.

Союз между гуннами и аланами-танаитами, о котором говорят Аммиан Марцеллин и Иордан, однозначно свидетельствует об укреплении связей местных племен с гуннами и Римом и, таким образом, является важным шагом к восстановлению первого пояса буферной зоны Римской империи в Северо-Восточном Причерноморье. Главной действующей силой его, как и в период позднего принципата, стали племена номадов, на которые, по-видимому, вновь была возложена обязанность по сдерживанию на своем рубеже враждебных алан. Вопреки мнению А.В. Гадло⁵¹, враждебные римскому миру аланы степной и предгорной части Центрального Предкавказья не были покорены гуннами⁵². Однако степной причерноморский коридор, ведущий через земли готов к границам империи, был теперь для них надежно закрыт.

При этом нельзя не принимать во внимание, что инициатива такого «встраивания» в римскую эшелонированную систему обороны приглашенного Юлианом или самостоятельно появившегося на границах Боспора гуннского войска вполне могла быть исключительно добровольной и исходить непосредственно от варваров. На это указывают некоторые сведения, сохранившиеся у Аммиана Марцеллина: «Между тем к Юлиану стали прибывать посольства от многих народов, которые предлагали ему свою помощь. Он оказывал им любезный прием, но с подобающим достоинством давал ответ, что Римской державе не подобает отстаивать себя пришлым вспомоществованием, но, напротив, самой защищать своими силами друзей и союзников, если необходимость заставит их просить о помощи» (Amm. Marc. XXIII. 2, 1). Если среди этих народов находились и хиониты, то вряд

⁴⁸ Ярцев 2014а, 110; 2014б, 73.

⁴⁹ Шаров 2009, 28.

⁵⁰ Яйленко 2002, 303–331.

⁵¹ Гадло 1979, 11–13.

⁵² Габуев 2009, 272–279.

ли римляне могли бы упустить шанс по приобретению важного стратегического союзника. Дело в том, что данных варваров можно было использовать как против Сасанидского Ирана, так и против врагов римского мира в Северном Причерноморье с целью полного восстановления здесь римского господства.

В этой связи обратим внимание, что из всех народов, предложивших римлянам помощь, Юлиан «только царю Армении Арсаку ... предложил собрать большую армию и ожидать приказаний, куда ему направляться ... Когда Юлиан собрал достаточные по своему мнению силы, он ... послал ... приказ о походе и велел всем переходить через Евфрат» (Amm. Marc. XXIII. 2, 2). Подробности подготовки к этому походу, похоже, нашли свое отражение также и в известном сочинении «Бузандаран патмут'юнк'», которое ранее приписывалось армянскому историку V в. н.э. Фавстосу Бузанду и обычно переводилось как «История Армении». Автор сообщает, что «Аршак, царь Армении» действительно «собрал войско столь же многочисленное, как пески [на морском берегу], и двинулся против царства Персидского». Наставник же царя и главнокомандующий армянского войска Васак Мамиконян также занимался сбором войска, только на других территориях. В итоге он тоже «собрал армянскую рать, призвал гуннов и аланов на помощь и пришел на подмогу к царю Армении против персов» (P'aw. Bowzand. 7. 6, 2).

Конечно, при использовании последнего источника необходимо учитывать то, что в «Истории Армении» содержатся сведения об участии гуннов в событиях не только 60-х, но и 30-х гг. IV в. н.э., где они, правда, только упоминаются в числе других народов⁵³. В любом случае, аутентичность всех данных этого источника справедливо находится под сомнением⁵⁴. Однако заметим, что подробности подготовки войны с персами из данного сочинения, единственного источника по армянской истории IV в. н.э.⁵⁵, слишком хорошо согласуются с приведенным выше сообщением Аммиана Марцеллина. Даже набор войска армянским царем Аршаком II (351–367 гг.) и его командующим Васак Мамиконяном проходил на разных территориях, видимо в соответствии с приказом Юлиана «создать большую армию». Гунны при этом фигурируют в тексте вместе с какими-то аланами, что сразу наводит на мысли не о восточнокавказских гуннах⁵⁶, а о северопричерноморской варварской группировке, ядром которой как раз и являлся союз гуннов и алан-танаитов, заключенный ими под эгидой Рима. Следовательно, появление гуннов в Северном Причерноморье, по данным письменных источников, вполне можно отнести к периоду правления Юлиана.

Одной из самых важных стратегических задач римлян в Северном Причерноморье, безусловно, считалось восстановление Танаиса. Возведение этого города объяснялось необходимостью организации своеобразного моста между римско-боспорскими властями и их новыми варварскими союзниками. То, что город действительно был отстроен, судя по всему, окончательно уже при Валенте, причем по единой градостроительной схеме с параллельными рядами домов⁵⁷, может свидетельствовать в пользу нашей версии о восстановлении римлянами в этой части

⁵³ Алемань 2003, 380–381.

⁵⁴ Семенов 2014, 44.

⁵⁵ Алемань 2003, 380–382.

⁵⁶ Семенов 2014, 44.

⁵⁷ Обломский 2010, 174–202.

Северного Причерноморья буферной зоны. Видимо, совсем не случайно боспорский город получил характеристику современных ученых как важнейший торговый центр гуннского племенного союза⁵⁸.

Главной же варварской силой второго пояса буферной зоны при Юлиане традиционно выступали тервинги и грейтунги. О важности и официальном статусе гото-римских взаимоотношений свидетельствует Аммиан Марцеллин, в тексте сочинения которого готы этого времени фигурируют как «народ, дружественный римлянам и связанный договором прочного мира» (Amm. Marc., XXVII, 5, 1). Правда, мы не знаем, имелся ли здесь в виду договор 332 года или же при Юлиане был заключен новый, о котором нам нечего не известно. Здесь главным мостом между античной цивилизацией и варварством, с помощью которого по отношению к готам и проводилась экономическая и культурная экспансия, помимо территории непосредственного соприкосновения с империей в районах дунайского лимеса, являлись возрожденные в какой-то степени античные города Тира и Ольвия. При этом днепровский рубеж с опорой на боспорские ресурсы был дополнительно усилен оборонительными сооружениями, в которых проходили службу как местные варвары, так и варвары с боспорской или херсонесской периферии. Данное обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что важнейшими звеньями возрожденной северопричерноморской системы обороны дальних подступов к границам империи являлись Херсонес и Боспор.

Отметим также, что указанные античные центры в период правления Юлиана вышли на важнейшее место в римской стратегии, в том числе и в связи с экономической экспансией против грейтунгов. Это хорошо видно по фактам подъема экономики на том же Боспоре во второй половине IV в. н.э. В данное время в сельских районах Боспора происходит подъем домашнего ремесла, направленного на удовлетворение возросших потребностей внутреннего рынка, как мы полагаем, по причине вовлечения в сферу экономической деятельности бывшего враждебного населения, расселенного на правах федератов в пограничных районах государства. Однако в крупных городах и особенно в столице, где раньше товарное ремесленное производство играло значительную роль, произошло восстановление производства изделий на рынок⁵⁹. К началу 360-х годов, по словам ритора Фемистия, Боспор и Херсонес вообще превратились в одни из самых главных центров-поставщиков хлеба в столицу (Themist. XXVII. p. 336 d). Не вызывает сомнений, что в это же время происходит возрождение и морского торгового флота на Боспоре⁶⁰.

Проведя анализ поступления амфорной тары и краснолаковой посуды к тервингам и грейтунгам, Б.В. Магомедов пришел к выводу о разных источниках поступления импорта в эти объединения. К тервингам (западная зона) в основном проникали вещи из провинций Нижнего Дуная. К грейтунгам (восточную зону) попадала продукция из понтийских мастерских, которая доминирует и в Крыму⁶¹. При этом находки на черняховских поселениях и могильниках ремесленной про-

⁵⁸ Обломский 2010, 181.

⁵⁹ Ярцев, Миляева 2010, 494–500.

⁶⁰ Айбабин 1999, 47.

⁶¹ Магомедов 2006, 52–59; Магомедов, Диденко 2009, 320–349.

дукции, произведенной в Крыму, позволяют предположить, что указанный импорт нередко поступал к грейтунгам, также через крымские центры⁶².

Подъем экономики в регионе хорошо прослеживается и по появлению монет-подражаний римским денариям и позднеантичным боспорским статерам, которые, скорее всего, с разрешения Юлиана по системе откупов стали выпускать частные мастерские⁶³. Однако если на Боспоре эти подражания в какой-то степени удовлетворили острую нехватку монет в условиях возрожденного боспорского рынка, то в расчетах с грейтунгами они не применялись. С данными варварами, похоже, начал действовать товарный обмен. Так, за ремесленную продукцию грейтунги вполне могли поставлять хлеб, который потом и вывозился с Боспора и Херсонеса. По мнению Б.В. Магомедова, уровень развития черняховского земледелия практически не отличался от уровня земледелия таких римских провинций, как Паннония и Мёзия, откуда вывоз зерна засвидетельствован документально⁶⁴.

Более того, ученый обратил внимание, что вино, которое получали готы по договору 322 года, могло доставляться не только прямыми путями из Малой Азии в порты между устьями Днепра и Дуная, но и из специально организованного центра на Черноморском побережье. Виноделие в таком центре было направлено на сбыт среди северных варваров, для которых дешевизна напитка была важнее его качества⁶⁵. В этой связи отметим появление во второй половине IV в. н.э. на Белинском городище, а также, возможно, на Илурате святилищ, по нашему мнению, непосредственно связанных с винодельческими комплексами⁶⁶. Вызывает интерес, что и в Китее с IV до второй четверти VI вв. н.э. действовало винодельческое производство, которое также было связано со святилищем. Правда, по мнению авторов раскопок, оно удовлетворяло потребности в вине только жителей города и его ближайшей округи⁶⁷. Тем не менее, продукция других более крупных виноделен на Боспоре в позднеантичное время⁶⁸ явно должна была иметь какой-то внешний рынок сбыта производимого продукта.

Возможно, увеличение производства вина на Боспоре во второй половине IV в. н.э. было связано не только с ростом внутреннего потребления этого продукта по причине расселения в пограничных районах меотийцев⁶⁹, но и со сбытом его тем же грейтунгам. Тервингам, судя по амфорам типа «Дафна» и другим редким сосудам, вино поступало в результате приграничной торговли на Нижнем Дунае⁷⁰.

Все эти свидетельства об ориентации тервингов и грейтунгов на различные экономические центры Римской империи, по нашему мнению, не случайны. На-

⁶² Отметим, например, тарелку из Киселово, произведенную в IV в. н.э. в Херсонесе (Магомедов, Диденко 2009, 327), ухудшенную копию самосского сосуда из низкокачественной глины из Каменки-Анчекрак, явно являющейся продукцией северопричерноморских мастерских, или штампованный светильник с этого же, черняховского, поселения. Характерный орнамент в виде стилизованного изображения лавровой или пальмовой ветви характерен именно для Херсонеса, что дает основание предполагать наличие торговых связей черняховцев с Крымом (Магомедов 1987а, 83–85).

⁶³ Ярцев 2013, 268–273.

⁶⁴ Магомедов 1987а, 77.

⁶⁵ Магомедов 2006, 54.

⁶⁶ Зубарев, Ярцев 2014, 97–98.

⁶⁷ Кузина, Пашкевич 2010, 247–255.

⁶⁸ Винокуров, Николаева 2000, 9–20.

⁶⁹ Зубарев, Ярцев 2014, 96–98.

⁷⁰ Магомедов 2006, 54.

помним, что, развивая внешнюю торговлю, римляне никогда не оперировали чисто экономическими факторами. Экономика для Римской империи в первую очередь являлась важным средством давления на те или иные племена. Вот почему выявленная особенность распространения импорта среди тервингов и грейтунгов могла быть организована римлянами специально с целью разъединения этих объединений, для того чтобы помешать им выступить единой силой против империи⁷¹.

Однако если с точки зрения экономической экспансии античные центры Крыма вместе выступали против грейтунгов, то политическое значение Боспора и Херсонеса для варваров было различным. Херсонес, бесспорно, являлся главным римским форпостом в Северном Причерноморье, со всеми вытекающими из этого особенностями в отношениях с варварами. Однако Боспор, начиная с периода правления Юлиана, стал явно превращаться в главный координационный центр с варварскими союзными силами как первого, так и части второго пояса буферной зоны Северного Причерноморья. Разумеется, утрата городами Тиры и Ольвии своего, в первую очередь, военного значения, во многом способствовало повышению роли Херсонеса и Боспора в новой ситуации. Тем не менее, изменение статуса Боспора произошло, видимо, и по той причине, что интересы всех сторон восстанавливаемой сложной системы пересекались именно на его территории, и в первую очередь на Нижнем Дону. Это касается как кочевников, осуществлявших многочисленные контакты с античным миром через возрождаемый Танаис, так и грейтунгов, которые, помимо взаимоотношений с Боспором, активно использовали в своих целях путь по Дону. Учитывая тесные контакты всех заинтересованных сторон в указанном регионе, можно предположить, что союзные отношения гунны заключили не только с танаитами, но еще и с грейтунгами. Если же в крепостях у сел Александровки или Башмачка находились в основном меотийцы, компактно проживающие к этому времени на западных границах Боспора, то вполне очевидно существование союза между ними и грейтунгами, на земле которых они несли воинскую службу. При этом не исключено, что все подобные союзы, как обычно в таких случаях бывает, скреплялись брачными узами, в которых был заинтересован Рим. Особенно это касается взаимоотношений между грейтунгами и боспорскими варварами. Дело в том, что римляне стремились всеми возможными способами закрепить ориентацию объединения Эрманариха именно на Херсонес и Боспор, так как это содействовало дальнейшему разделению готов на тервингов и грейтунгов и делало проблематичным объединение их в будущем. Видимо, данное обстоятельство необходимо учитывать, объясняя участие Боспора в возведении оборонительных сооружений на территории грейтунгов и отправку на службу в них боспорских варваров.

Если на западных границах империи варвары теперь «боялись самого имени римлян, пока был жив Юлиан, были счастливы остаться в живых и пребывать в мире на своей земле» (Zosim. IV. 3, 4), то очевидно, что и в Северном Причерноморье в эти годы наблюдалась подобная ситуация.

Трудно сказать, как стал бы развиваться исторический процесс в Северном Причерноморье, если бы не нелепая смерть Юлиана. Впечатляет, что за достаточно

⁷¹ Ярцев 2014, 111–112.

короткий срок его правления в регионе фактически была восстановлена эшелонированная буферная зона почти в том виде, в каком она функционировала в период позднего принципата. Причиной этого, безусловно, являлась неуклонно возрастающая мощь аланского племенного союза. Именно этому многочисленному населению с далеко зашедшими процессами урбанизации и организации общества необходимо было полностью перекрыть все возможные пути в сторону римских границ. Ядро восстановленной буферной зоны состояло, как и раньше, из античных центров, главным из которых оставался Херсонес и окрестное варварское население, в том числе и готы, служившие естественной защитой древним городам. Первый же пояс обороны взяли на себя союзные орды гуннов, недавно появившиеся в Северном Причерноморье. В данных варварах, похоже, необходимо видеть полиэтническое воинство, пришедшее с востока, в составе которого вполне могли быть и реальные азиатские хунны, и даже хиониты, с которыми римляне уже сталкивались в недавних событиях. При этом, по приказу римского командования освобождая от аланского влияния территорию Нижнего Дона, гунны опирались на союз с сарматами (аланами-танаитами), представители которых не один раз уже занимали боспорский трон. Во многом он стал возможен благодаря тому, что данный сармато-иранский клан выводил свою родословную к сарматским царям I в. н.э. Фарзою и Инисмею, в составе воинства которого, возможно, уже тогда находилось какое-то количество азиатских хуннов или их потомков.

Главным отличием этой системы от буферной зоны периода позднего принципата, безусловно, являлись варвары, входящие в ее состав. Если, например, говорить о гуннах, то они с момента появления в Северном Причерноморье, бесспорно, вступили в довольно длительный период мирных отношений с империей. Во всяком случае, только применительно к 395 году можно говорить о каком-то реальном наступлении гуннов на Римскую империю⁷². Возможное участие гуннского отряда в битве при Адрианополе (в составе готской и аланской конницы Алафея и Сафрака) не противоречит этим выводам, ведь в данном сражении против императора Валента выступили, в основном, его бывшие союзники, которых он талантливо успел настроить против себя. К некоторым же другим сведениям, упоминающим гуннов в действиях против Рима⁷³, необходимо подходить с осторожностью, так как они касаются в основном рейдов отдельных разбойничьих «шак» (Amm. Marc. XXXI. 8, 4), не подчиняющихся варварским правителям. Тем не менее, не вызывает сомнений, что у таких относительно независимых и мощных римских союзников, какими с самого начала появления в Северном Причерноморье выступили гунны, были и свои собственные интересы в данном регионе. Однако это обстоятельство всегда мало учитывалось при разработке римской стратегии, что уже не раз приводило к печальным последствиям.

Совершенно противоположная картина складывается у римлян в отношениях с готами, которые, безусловно, представлялись им самым сложным звеном в структуре буферной зоны. Главной проблемой здесь являлось то, что воинственное население протогосударственных объединений тервингов и грейтунгов радикально отличалось от зависимых земледельцев Тиры и Ольвии прошлого периода. Одна только история стойкого сопротивления готов римской культурной экспан-

⁷² Гадло 1979, 17–18; Габуев 2009, 273.

⁷³ Томпсон 2008, 41–42; Менхен-Хельфен 2014, 44–70.

сии⁷⁴ свидетельствует о чрезвычайно сложных взаимоотношениях этого народа с Римской империей. Готы не собирались становиться послушным орудием в руках римлян и уж тем более превращаться в римских колонов. Тем не менее мы видим, что гото-римские отношения во времена Юлиана переживали несомненный подъем, который, впрочем, оказался кратковременным и очень скоро прервался в ходе дальнейших трагических событий.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 1999: *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь.
- Алемань, А. 2003: *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*. М.
- Амброз, А.К. 1992: Хронология раннесредневековых древностей. В сб.: Я.М. Паромов (ред), *Боспорский сборник*. I, 6–108.
- Артамонов, М.И. 1962: *История хазар*. Л.
- Бажан, И.А., Щукин, М.Б. 1990: К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазоне эпохи Великого переселения народов. *АСГЭ* 30, 83–96.
- Безуглов, С.И., Захаров, А.В. 1989: Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса. *Известия РОМК* 6, 42–66.
- Буданова, В.П. 2001: *Готы в эпоху Великого переселения народов*. СПб.
- Винокуров, Н.И., Николаева, Э.Я. 2000: Винодельческие сооружения Ильичевского городища. *Историко-археологический альманах* 6, 9–20.
- Габуев, Т.А. 2009: Аланы и гунны на Северном Кавказе. *Нижеволжский археологический вестник* 10, 272–279.
- Габуев, Т.А. 2014: «Княжеские» аланские курганы на Верхнем Тереке (Брут, Беслан). *КСИА* 234, 84–94.
- Гадло, А.В. 1979: *Этническая история северного Кавказа IV–X вв.* Л.
- Гафуров, Б.Г. 1989: *Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история*. Кн. 1. Душанбе.
- Гудименко, И.В., Толочко, И.В. 2012: Памятники позднеантичного времени из дельты Дона. В сб.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин (ред.), *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 180–217.
- Гумилев, Л.Н. 1959: Эфталиты и их соседи в IV в. *ВДИ* 1, 129–140.
- Гумилев, Л.Н. 1993: *Хунну*. СПб.
- Дёрфер, Г. 1986: О языке гуннов. В сб.: А.Н. Кононов (ред), *Древние тюркские языки и литературы (Зарубежная тюркология, I)*. М., 71–134.
- Засецкая, И.П. 1982: Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным. В сб.: А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели (ред), *Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков*. М., 14–30.
- Засецкая, И.П. 1986: Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях. *АСГЭ* 27, 79–91.
- Засецкая, И.П. 1994: *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.)*. СПб.
- Зубарев, В.Г., Ярцев, С.В. 2014: Новый сакральный комплекс на городище «Белинское» в Восточном Крыму. *ПИФК* 1, 86–101.
- Казанский, М.М. 1994: Могилы алано-сарматских вождей IV в. н.э. в Понтийских степях. *МАИЭТ* IV, 225–256.

⁷⁴ Буданова 2001, 179–180.

- Казанский, М.М. 2010: Ранние погребения гуннов в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае. В сб.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин (ред.), *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 119–127.
- Казанский, М.М., Мاستыкова, А.В. 2009: «Царские» гунны и акациры. В сб.: А.Г. Фурасев (ред.), *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб., 114–126.
- Кобылина, М.М. 1978: Разрушения гуннов в Фанагории. В сб.: В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт (ред.), *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. М., 30–35.
- Комар, А.В. 2000: Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы. В сб.: А.В. Евглевский (ред.), *Степи Европы в эпоху средневековья*. Донецк, 19–53.
- Красноперов, А.А. 2012: Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догунский» стиль перегородчатых инкрустаций). В сб.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин (ред.), *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 218–254.
- Кузина, Н.В., Пашкевич, Г.А. 2010: Виноградарство и виноделие в боспорском городе Китее. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспорские чтения XI. Ремесла и промыслы*. Керчь, 247–255.
- Левада, М.Е. 2006: Миф о городищах черняховской культуры. В сб.: Р.В. Терпиловский (ред.), *Готы и Рим*. Киев, 60–72.
- Магомедов, Б.В. 1987: Черняховское городище у с. Александровка. В сб.: А.Т. Смилленко (ред.), *Днепро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э.* Киев, 26–41.
- Магомедов, Б.В. 1987а: *Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья*. Киев.
- Магомедов, Б.В. 2006: Римские амфоры в черняховской культуре. В сб.: Р.В. Терпиловский (ред.), *Готы и Рим*. Киев, 52–59.
- Магомедов, Б.В., Диденко, С.В. 2009: Краснолаковая керамика в черняховской культуре. *БИ ХХI*, 320–349.
- Малашев, В.Ю. 2014: Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н.э. *КСИА* 234, 72–83.
- Менхен-Хельфен, О. 2014: *История и культура гуннов*. М.
- Михайлов, Б.Д. 1977: Похоронення мідника гуннського часу в Північному Приазов'ї. *Археологія* 24, 74–82.
- Михайлов, Б.Д. 1993: Погребение гуннского времени на Каменной балке в Северной Таврии. *МАИЭТ* III, 109–111.
- Неразик, Е.Е. 1966: *Сельские поселения афригидского Хорезма (по материалам беркут-калинского оазиса)*. М.
- Обломский, А.М. 2010: Хронология поселения Танаис позднеантичного периода. В сб.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин (ред.), *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 174–202.
- Плетнева, С.А. 1982: *Кочевники средневековья*. М.
- Плетнева, С.А. 2003: *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века)*. Воронеж, 2003.
- Семенов, И.Г. 2014: Место правителя восточнокавказских гуннов в иерархии государства европейских гуннов (по данным «Истории страны Алуанк»). *КСИА* 234, 43–54.
- Смилленко, А.Т. 1992: *Городище Башмачка III–IV в. н.э.* Киев.
- Томпсон, Э.А. 2008: *Гунны. Грозные воины степей*. М.
- Шаров, О.В. 2009: *Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв. н.э.): автореф. дис. ... док. ист. наук*. СПб.

- Яблонский, Л.Т., Малашев, В.Ю. 2008: *Степное население южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10*. М.
- Яйленко, В.П. 2002: Гунно-булгары II–V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники. *ДБ* 5, 303–331.
- Ярцев, С.В. 2013: Проблемы денежного обращения на Боспоре во второй половине IV в. н.э. В сб.: Е.А. Мельникова (ред.), *Восточная Европа в древности и средневековье: экономические основы формирования государства в древности и средневековья*. М., 268–273.
- Ярцев, С.В. 2014: Боспор и Херсонес накануне гуннского нашествия. *ПИФК* 1(43), 102–117.
- Ярцев, С.В. 2014а: Особенности римской стратегии в Северном Причерноморье в эпоху царства Фарзоя. В сб.: К.А. Подрезов (ред.), *Университет XXI века: исследования в рамках научных школ: материалы науч. конф. науч.-пед. работников, аспирантов, магистрантов и соискателей ТГПУ им. Л.Н.Толстого*. Тула, 108–112.
- Ярцев, С.В. 2014б: О начальных событиях кризиса на Боспоре III века нашей эры. *Историческая и социально-образовательная мысль* 5(27), 72–76.
- Ярцев, С.В. 2015: Римская стратегия в Северном Причерноморье в конце III – первой половине IV в. н.э. *Таврические студии. Исторические науки* 7, 148–155.
- Ярцев, С.В., Миляева, Ю.В. 2010: К вопросу о влиянии кризисных явлений второй половины III – первой трети IV вв. н.э. на товарное производство ремесленных изделий на Боспоре. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспорские чтения XI. Ремесла и промыслы*. Керчь, 494–500.
- Enoki, K. 1955: Sogdiana and the Hsiung-nu. *Central Asiatic Journal* I/1, 43–62.
- Maenchen-Helfen, O. 1973: The world of the Huns. In: M. Knight (ed), *Studies in their history and culture*. Berkeley–Los-Angeles–London, 486–578.
- Šćukin, M., Kazanski, M. et Sharov, O. 2006: *Des les Goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l’époque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400–1000 A.D.)*(Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535). Oxford.
- Thompson, E.A. 1948: *A history of Attila and the Huns*. Oxford.
- Werner, J. 1956: *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München.

REFERENCES

- Ajbabin, A.I. 1999: *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol’.
- Aleman’, A. 2003: *Alany v drevnih i srednevekovyh pis'mennyh istochnikah*. Moscow.
- Ambroz, A.K. 1992: Hronologiya rannesrednevekovyh drevnostey. In: YA.M. Paromov (red.), *Bosporskiy sbornik* I, 6–108.
- Artamonov, M.I. 1962: *Istoriya hazar*. L.
- Bazhan, I.A., SHCHukin, M.B. 1990: K voprosu o vozniknovenii polihromnogo stilya kluazone epohi Velikogo pereseleniya narodov. *ASGE* 30, 83–96.
- Bezuglov, S.I., Zaharov, A.V. 1989: Bogatooe pogrebenie pozdnerimskogo vremeni bliz Tanaisa. *Izvestiya ROMK* 6, 42–66.
- Budanova, V.P. 2001: *Goty v epohu Velikogo pereseleniya narodov*. Sankt-Peterburg.
- Derfer, G. 1986: O yazyke gunnov. In: A.N.Kononov (red.), *Drevnie tyurkskie yazyki i literatury (Zarubezhnaya tyurkologiya, I)*. M., 71–134.
- Enoki, K. 1955: Sogdiana and the Hsiung-nu. *Central Asiatic Journal* I/1, 43–62.
- Gabuev, T.A. 2009: Alany i gunny na Severnom Kavkaze. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskij vestnik* 10, 272–279.

- Gabuev, T.A. 2014: «Knyazheskie» alanskie kurgany na Verhnem Tereke (Brut, Beslan). *KSIA* 234, 84–94.
- Gadlo, A.V. 1979: *Etnicheskaya istoriya severnogo Kavkaza IV–X vv.* L.
- Gafurov, B.G. 1989: *Tadzhiki: drevneyshaya, drevnyaya i srednevekovaya istoriya. V dvuh knigah. Kniga 1.* Dushanbe.
- Gudimenko, I.V., Tolochko, I.V. 2012: Pamyatniki pozdneantichnogo vremeni iz del'ty Dona. In: A.M. Vorontsov, I.O. Gavrituhin (red.), *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov.* Tula, 180–217.
- Gumilev, L.N. 1959: Eftality i ih sosedi v IV v. *Vestnik drevney istorii* 1, 129–140.
- Gumilev, L.N. 1993: *Hunnu.* Sankt-Peterburg.
- Kazanskiy, M.M. 1994: Mogily alano-sarmatskikh vozhdey IV v. n.e. v Pontiyskikh stepyakh. *MAIET* IV, 225–256.
- Kazanskiy, M.M. 2010: Rannie pogrebeniya gunnov v Severnom Prichernomor'e i na Srednem Dunae. In: A.M. Vorontsov, I.O. Gavrituhin (red.), *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov.* Tula, 119–127.
- Kazanskiy, M.M., Mastykova, A.V. 2009: «Tsarskie» gunny i akatsiry. V sb.: A.G. Furas'ev (red.), *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem.* Saint-Petersburg, 114–126.
- Kobylina, M.M. 1978: Razrusheniya gunnov v Fanagorii. In: V.I. Kozenkova, Yu.A. Krasnov, I.G. Rozenfel'dt (red.), *Voprosy drevney i srednevekovoy arheologii Vostochnoy Evropy.* M., 30–35.
- Komar, A.V. 2000: Aktual'nye problemy hronologii material'noy kul'tury gunnskogo vremeni Vostochnoy Evropy. In: A.V. Evglevskiy (red.), *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya.* Donetsk, 19–53.
- Krasnoperov, A.A. 2012: Polihromnye predmety s peregorodchatoy inkrustatsiey v Prikam'e («dogunskiy» stil' peregorodchatykh inkrustatsiy). In: A.M. Vorontsov, I.O. Gavrituhin (red.), *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov.* Tula, 218–254.
- Kuzina, N.V., Pashkevich, G.A. 2010: Vinogradstvo i vinodelie v bosporskom gorode Kitee. In: V.N. Zin'ko (red.), *Bosporskie chteniya XI. Remesla i promysly.* Kerch', 247–255.
- Levada, M.E. 2006: Mif o gorodishchah chernyahovskoy kul'tury. In: R.V. Terpilovskiy (red.), *Goty i Rim.* Kiev, 60–72.
- Maenchen-Helfen, O. 1973: The world of the Huns. In: M.Knight (ed.), *Studies in their history and culture.* Berkeley–Los-Angeles–London, 486–578.
- Magomedov, B.V. 1987: Chernyahovskoe gorodishche u s. Aleksandrovka. In: A.T. Smilenko (red.), *Dnepro-Dunayskoe mezhdurech'e v I – nachale II tys. n.e.* Kiev, 26–41.
- Magomedov, B.V. 1987a: *Chernyahovskaya kul'tura Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya.* Kiev.
- Magomedov, B.V. 2006: Rimskie amfory v chernyahovskoy kul'ture. In: R.V. Terpilovskiy (red.), *Goty i Rim.* Kiev, 52–59.
- Magomedov, B.V., Didenko, S.V. 2009: Krasnolakovaya keramika v chernyahovskoy kul'ture. *BI* XXI, 320–349.
- Malashev, V.Yu. 2014: Alanskaya kul'tura Severnogo Kavkaza: problema ranney gosudarstvennosti u naseleniya regiona vo II–IV vv. n.e. *KSIA* 234, 72–83.
- Menhen-Hel'fen, O. 2014: *Istoriya i kul'tura gunnov.* Moscow.
- Mihaylov, B.D. 1977: Pohovannya midnika gunnskogo chasu v Pivnichnomu Priazov'i. *Arheologiya* 24, 74–82.
- Mihaylov, B.D. 1993: Pogrebenie gunnskogo vremeni na Kamennoy balke v Severnoy Tavrii. *MAIET* III, 109–111.
- Nerazik, E.E. 1966: *Sel'skie poseleniya afrigidskogo Horezma (po materialam berkulinskogo oazisa).* Moscow.

- Oblomskiy, A.M. 2010: Hronologiya poseleniya Tanais pozdneantichnogo perioda. In: A.M.Vorontsov, I.O.Gavrituhin (red.), *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov*. Tula. 1, 174–202.
- Pletneva, S.A. 1982: *Kochevniki srednevekov'ya*. Moscow.
- Pletneva, S.A. 2003: *Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epohu srednevekov'ya (IV-XIII veka)*. Voronezh.
- Ščukin, M., Kazanski, M. et Sharov, O. 2006: *Des les Goths aux hunes: Le nord de la mer noire au Bas – empire et à l'époque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A.D.) (Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535)*. Oxford.
- Semenov, I.G. 2014: Mesto pravatelya vostochnokavkazskikh gunnov v ierarhii gosudarstva evropeyskikh gunnov (po dannym «Istorii strany Aluank»). *KSIA* 234, 43–54.
- Sharov, O.V. 2009: *Bospor i varvarskiy mir Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy v pozdnerimskuyu epohu (seredina II – sredina IV vv. n.e.): avtoref. dis. ... dok. ist. nauk*. Saint-Petersburg.
- Smilenko, A.T. 1992: *Gorodishche Bashmachka III–IV v. n.e.* Kiev.
- Thompson, E.A. 1948: *A history of Attila and the Huns*. Oxford.
- Tompson, E.A. 2008: *Gunny. Groznye voyny stepey*. Moscow.
- Vinokurov, N.I., Nikolaeva, E.Ya. 2000: Vinodel'cheskie sooruzheniya Il'ichevskogo gorodishcha. *Istoriko-arheologicheskyy al'manah* 6, 9–20.
- Werner, J. 1956: *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München.
- Yablonskiy, L.T., Malashev, V.Yu. 2008: *Stepnoe naselenie yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10*. M.
- Yartsev, S.V. 2013: Problemy denezhnogo obrashcheniya na Bospore vo vtoroy polovine IV v. n.e. In: E.A. Mel'nikova (red.), *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: ekonomicheskie osnovy formirovaniya gosudarstva v drevnosti i srednevekov'ya*. M., 268–273.
- Yartsev, S.V. 2014: Bospor i Hersones nakanune gunnskogo nashestviya. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1(43), 102–117.
- Yartsev, S.V. 2014a: Osobennosti rimskoy strategii v Severnom Prichernomor'e v epohu tsarstva Farzoya. In: K.A.Podrezov (red.), *Universitet XXI veka: issledovaniya v ramkah nauchnykh shkol: materialy nauch. konf.nauch.-ped.rabotnikov, aspirantov, magistrantov i soiskateley TGPU im. L.N.Tolstogo*. Tula, 108–112.
- Yartsev, S.V. 2014b: O nachal'nykh sobytiyah krizisa na Bospore III veka nashey ery. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* 5(27), 72–76.
- Yartsev, S.V. 2015: Rimskaya strategiya v Severnom Prichernomor'e v kontse III – pervoy polovine IV v. n.e. *Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki* 7, 148–155.
- Yartsev, S.V., Milyaeva, Yu.V. 2010: K voprosu o vliyaniy krizisnykh yavleniy vtoroy poloviny III – pervoy trety IV vv. n.e. na tovarnoe proizvodstvo remeslennykh izdeliy na Bospore. In: V.N.Zin'ko (red.), *Bosporskie chteniya XI. Remesla i promysly*. Kerch', 494–500.
- Yaylenko, V.P. 2002: Gunno-bulgary II-V vv. n.e. na Bospore po dannym epigrafiki i antroponimiki. *DB* 5, 303–331.
- Zasetskaya, I.P. 1982: Klassifikatsiya polihromnykh izdeliy gunnskoy epohi po stilisticheskim dannym. In: A.K.Ambroz, I.F.Erdeli (red.), *Drevnosti epohi Velikogo pereseleniya narodov V-VIII vekov*. M., 14–30.
- Zasetskaya, I.P. 1986: Nekotorye itogi izucheniya hronologii pamyatnikov gunnskoy epohi v yuzhnorusskikh stepyah. *ASGE* 27, 79–91.
- Zasetskaya, I.P. 1994: *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epohu (konets IV–V v.)*. Saint-Petersburg.
- Zubarev, V.G., Yartsev, S.V. 2014: Novyy sakral'nyy kompleks na gorodishche «Belinskoe» v Vostochnom Krymu. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1, 86–101.

ROMAN STRATEGY IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION DURING
THE REIGN OF JULIAN

Sergey V. Yartsev

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia,
s-yartsev@yandex.ru*

Abstract. The article examines the strategy of Julian in the Northern Black Sea Region. According to the author, the improvement of Goths-Roman relations at this time should be considered in the context of the Emperor's changing attitude towards the Bosporan Kingdom. The Bosporus restoring independence inevitably led to an attempt to recreate the eastern part of the buffer zone in the Northern Black Sea Region, where once again the key city ought to be Tanais. This, in its turn, implies the strengthening of the western section of the buffer zone as well (archaeological reflection of which was the construction of fortresses on the Dnieper border line of the Gothic area). Thus, this strategy was the main reason for the simultaneous improvement of the relations both with the Goths, and with the Bosporus. Moreover, it is necessary to associate the appearance of the Huns in the Northern Black Sea Region with this period. The new nomads from the east became a key link in the restored first defense belt of the buffer zone by the Emperor in the region. At the same time, by the orders of the Roman commanders, the Huns, freed from the Alans in influence in the Lower Don, relied on the alliance with the Sarmatians (who had recently become the Alans-Tanaites), whose representatives more than once had occupied the Bosporan throne. In many respects it became possible thanks to the fact that the Sarmato-Iranian clan brought their pedigree to the Sarmatian kings of the 1st century BC Pharnaces and Imithreus. There was a certain number of Asian Huns or their descendants in their entourage.

Thus, in a short time of Julian's rule, the layered buffer zone was restored, cutting off barbarians of the Alan tribal union all possible way towards the Roman borders.

Key words: Northern Black Sea Region, the Roman Empire, Julian, the Goths, the Huns

---
